

A young boy with dark hair and a serious expression stands in the center of a dimly lit library. He is wearing a long, dark blue or black robe with intricate silver or white embroidery along the front opening and the cuffs. The background is filled with tall wooden bookshelves packed with books. To the right, a tall, ornate lamp with a single flame provides a warm, golden light, casting soft shadows on the boy and the shelves.

Леся Шу

Тишъ

Леся Шу

Тишь

«Автор»

2026

Шу Л.

Тишь / Л. Шу — «Автор», 2026

городе Кромка магия — это не волшебство, а обмен. За каждое чудо нужно чем-то заплатить: воспоминанием, любимой песней, умением смеяться. Хочешь зажечь огонь — отдай что-нибудь дорогое. Так устроен мир, и все давно к этому привыкли. Все, кроме Яси. Тринадцатилетняя Яся живёт в приюте, дерётся с мальчишками и не помнит ничего о себе — ни имени матери, ни дома, ни того, почему у неё нет залогового камня. А ещё она умеет колдовать, ничего не отдавая. Это кажется подарком. Но когда Яся тянет Нить, ей снятся чужие сны: низкая комната, зелёный абажур, дождь за окном и тёплые руки, которые застёгивают ей куртку. Кто эта женщина? И почему после каждого чуда Яся забывает что-то из своей жизни — тихо, по кусочку, как будто кто-то невидимый берёт с неё плату? Чтобы узнать правду, Ясе придётся спуститься туда, куда не ходят взрослые, найти друзей — ворчливого Гришу и гордую Лиду — и встретить очень спокойного человека, который никогда не повышает голос и искренне верит, что делает добро

© Шу Л., 2026

© Автор, 2026

Леся Шу Тишь

Глава 1

ГЛАВА 1. ПУСТАЯ

В Кромке пахло солью, ржавчиной и жареным луком — и все три запаха дрались между собой, как псы на привязи.

Яся Ольхова шла по Верхнему ярусу, прижимая к груди деревянный ящик с печатью Меры. Внутри, в гнезде из войлока, лежал залоговый камень — серый, величиной с кулак, тёплый, как живой. Яся знала, что камни тёплые. Она таскала их четвёртый год подряд и давно перестала спрашивать, что внутри.

— Не тряси, — сказала она себе под нос. — Трясёшь — значит, интересуешься. А интересуешься — значит, полезут.

Ящик не отвечал. Камни вообще редко отвечали.

Утро выдалось ясное, и Кромка сверкала, как мокрый камень на солнце. Город спускался вниз ярусами — Верхний, где жили счётчики и торговцы рыбой; Средний, где пахло варёной требухой и краской; Нижний, куда Яся старалась не ходить без нужды. А под всем этим — Прорва. Чёрная воронка в сердце города, такая широкая, что противоположный край терялся в дымке.

Если долго стоять у парапета и слушать, можно было услышать, как гудит Нить. Яся слышала её всегда, даже когда не слушала. Как будто в соседней комнате кто-то тихо держал одну ноту на виолоне. Иногда нота была тёплая. Иногда — злая.

Сегодня она была никакая. Просто гудела.

— Эй! Рыжая!

Яся обернулась. Из переулка вывалился Костик, приютский, мелкий, с разбитой губой.

— Чего? — сказала Яся.

— Там это... — Костик задохнулся. — Там девчонка на лесах. У Мельника. Сорвалась.

Яся не помнила, как поставила ящик. Просто в какой-то момент он стоял на земле, при-
слонённый к тумбе, а она уже бежала.

Леса стояли у стены старой сушильни — три этажа кривых досок, перевязанных верёвкой. Наверху, вцепившись в перекладину, висела девочка лет семи. Пальцы скользили. Под ней — восемь метров и булыжник.

Внизу уже собралась толпа. Никто не двигался. В Кромке всегда так: сначала смотрят, потом думают, потом зовут Мёру. Порядок важнее человека.

Яся не думала вообще.

Она остановилась, вдохнула и почувствовала Нить — как всегда, под левой ключицей, тонкую, натянутую, тёплую. Она не знала, как это объяснить. Это было похоже на то, как если бы у тебя в груди была струна, а ты знал, что если потянуть — мир подастся.

Она потянула.

Нить зазвенела.

Девочка упала — но не вниз. Она поехала вбок, медленно, будто проваливаясь сквозь воду, и мягко легла на кучу прелой соломы у стены. Солома даже не разлетелась.

Толпа выдохнула.

Яся стояла, тяжело дыша, и чувствовала, как по левой ладони расплзается холод. Так бывало всегда. Залог — это холод. Сначала в ладони, потом в груди, потом внутри пусто. Ты платишь.

Она подождала.

Холод прошёл.

Яся посмотрела на ладонь. Обычная ладонь. Она попробовала вспомнить, что потеряла. Так всегда делают: после залога надо честно проверить, что у тебя забрали. Какое-нибудь мелкое воспоминание — вкус чего-нибудь, цвет чего-нибудь.

Она перебрала: вкус хлеба — есть. Запах дождя — есть. Имя приютской кошки — Мурза, есть. Песня, которую пела тётя Нюра, когда развешивала бельё, — есть, даже с припевом.

Ничего не пропало.

Яся потрясла головой. Так не бывает. Она потянула Нить — сильно, по-настоящему, — и не заплатила.

И тут у неё в висках что-то щёлкнуло.

На четверть секунды она увидела не рынок, не толпу и не леса. Она увидела комнату. Низкую, с зелёным абажуром. Дождь стучал в окно, и чьи-то руки — женские, с тонкими пальцами и кольцом на безымянном — застёгивали ей куртку. Пахло мокрой шерстью и чем-то тёплым, вроде молока с мёдом.

А потом кто-то тихо засмеялся. Не зло. Просто тихо.

Комната исчезла.

Яся стояла на рынке, и её трясло.

— Ты чего? — спросил Костик.

— Ничего, — сказала Яся. — Ничего.

Из толпы уже пробирались двое. Яся узнала их сразу: серые плащи с серебряной ниткой по подолу, а на груди — молоток и весы. Мера.

Счётчики.

Они не бежали. Счётчики никогда не бегут. Они шли ровно, как люди, которым платят за спокойствие.

Первый — сухой мужчина с бородкой, — достал из сумки книгу. Не бумажную. Каменную. Тонкую плитку, на которой сами собой проступали строчки. Второй, молодой, смотрел на Ясю так, как смотрят на что-то, что надо будет потом описать в отчёте.

— Кто тянул? — спросил бородатый.

Толпа расступилась. Яся осталась одна.

— Я, — сказала она.

— Имя.

— Яся Ольхова. Приют на Сваях.

Счётчик провёл пальцем по каменной странице. Строчки поползли, зашевелились, как черви. Он искал.

Он искал долго.

— Ольхова... Ольхова... — бормотал он. — Приют... найдёныш... семь лет назад...

Он замолчал.

Молодой заглянул ему через плечо. Оба уставились в книгу.

Яся вытянула шею. И увидела.

В каменной странице, между двумя записями — «Ольгин, Тихон, залог: слух, срок: 4 года» и «Ольшанский, Пётр, залог: имя матери, срок: 11 лет», — была пустая строка. Ровно одна. Как будто кто-то аккуратно вырезал строчку и оставил дырку.

В дырке стояла одна буква.

В.

Бородатый счётчик закрыл книгу. Резко. Так резко, что камень щёлкнул.

— Ошибка, — сказал он. — Реестр повреждён.

— Тут написано «В», — сказала Яся. — Я видела.

— Реестр повреждён, — повторил счётчик, и голос у него был уже не такой спокойный. — Ты пойдёшь с нами.

— Куда?

— В Мери. Для уточнения.

Яся сделала шаг назад. Не потому, что боялась Мери. Просто если взрослый говорит «для уточнения» — беги.

И тут между ними встала женщина.

Она появилась так тихо, что Яся даже не заметила, откуда. Серая куртка, седые волосы, собранные на затылке, и глаза — бледные, как разбавленное молоко. На левой руке у неё была перчатка. Только на левой. И Яся почему-то сразу поняла, что под перчаткой нет руки.

— Доброе утро, счётчики, — сказала женщина.

Бородатый дёрнулся.

— Магистра Северин.

— Она пойдёт со мной, — сказала Северин. — Не с вами.

— Мера имеет право на первичный осмотр...

— Мера имеет право на всё, — согласилась Северин. — И всё же она пойдёт со мной. Потому что если вы заберёте её в Меру, к вечеру о ней будет знать весь Нижний ярус, а к утру — Немые. А мне бы не хотелось, чтобы Немые узнали о девочке, которая тянет Нить без залога, раньше меня.

Повисла тишина.

Молодой счётчик открыл рот. Бородатый положил ему руку на плечо.

— Это нарушение, — сказал он.

— Запишите, — кивнула Северин. — У вас же книга.

Счётчики ушли. Толпа начала рассасываться — быстро, как всегда, когда становится скучно или страшно.

Северин повернулась к Ясе.

Она смотрела долго. Не на лицо — на левую ладонь. Яся невольно сжала руку в кулак.

— Покажи.

— Зачем?

— Потому что я старая и мне можно, — сказала Северин.

Яся разжала пальцы.

Северин взяла её руку — правой, единственной, — и повернула к свету. Долго молчала. Потом отпустила.

— Как тебя зовут?

— Яся.

— Яся, — повторила Северин. — Скажи, Яся. Когда ты потянула Нить, ты что-нибудь отдала?

— Нет.

— Совсем ничего?

— Совсем.

— И что ты почувствовала?

Яся заколебалась. Про комнату она не рассказывала никому и не собиралась.

— Холод, — сказала она. — В ладони.

— Холод — это знак залога, — сказала Северин. — Знак. Не сам залог. Холод приходит всегда. А вот что уходит...

Она замолчала. Посмотрела на Прорву — туда, где город обрывался в чёрную воронку.

— Яся, — сказала она наконец. — Так не бывает. Нельзя тянуть Нить и не платить. Нить — не река, из которой можно черпать ведром. Нить — это долговая книга. Кто-то всегда платит. Всегда. Вопрос только — кто.

У Яси по спине поползло холодом.

— Значит...

— Значит, — сказала Северин, — кто-то платит за тебя. Давно. И, судя по тому, что ты жива и не превратилась в Тень, платит много.

Она отвернулась и пошла к лестнице, ведущей вниз, к Среднему ярусу. Через несколько шагов обернулась.

— Ты идёшь?

— Куда?

— В Заруку, — сказала Северин. — В училище. Где учат не быть должником.

Яся стояла. Ящик с залоговым камнем так и остался стоять у тумбы, забытый. Костик куда-то исчез. Девочка, которую она спасла, ревела в объятиях матери — живая, целая.

Обычная жизнь продолжалась.

А Яся почему-то знала, что в обычную жизнь ей теперь нельзя.

— А если я откажусь? — спросила она.

Северин не улыбнулась.

— Тогда тебя найдут другие, — сказала она. — И вот они-то не будут спрашивать, что ты хочешь.

Она снова пошла вниз. Перчатка на левой руке висела пустая, и Яся вдруг отчётливо поняла: под ней нет не только руки.

Под ней нет ничего. И Северин не считает это потерей.

Яся догнала её через три ступени.

Они спускались по длинной лестнице — Верхний ярус, потом Средний, потом ещё ниже, к самой кромке Прорвы, туда, где стояло здание Заруки. Яся видела его раньше, но изда-лека: длинное, серое, без окон на первом этаже, с чёрными решётками на верхних. Она всегда думала, что это тюрьма.

Оказалось, тюрьма.

По дороге Северин не сказала ни слова. Только у самых ворот остановилась и спросила:

— Ты видела что-нибудь, когда тянула?

Яся молчала.

— Не ври, — сказала Северин. — Пожалуйста. Враньё — это роскошь, которую могут позволить себе люди с полной памятью.

Яся посмотрела на неё. На седые волосы. На пустую перчатку. На глаза, которые не спали двадцать лет и не собирались начинать.

— Комнату, — сказала она. — Зелёный абажур. Дождь. Женщина застёгивала мне куртку.

Северин закрыла глаза. На секунду. Всего на секунду. Но Яся успела заметить, как у неё дёрнулась щека.

— Магистра?

— Ничего, — сказала Северин и толкнула ворота. — Просто я думала, что это будет кто-нибудь другой.

— Кто?

Северин не ответила.

Ворота Заруки закрылись за ними с глухим стуком, и Яся впервые в жизни почувство-вала, что Нить под её ключицей не просто гудит.

Она дрожит. Как дрожит человек, который узнал чей-то голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.